Текст · 15 декабря 2021, 06:32
Юлия Сугуева,

«Кто посмеет оспаривать стряпню, приготовленную по велению Москвы?». Что надо знать о протестах в Ингушетии и судах над их участниками

«Это чистейшей воды фарс, состряпанный по указанию федерального центра следственной бригадой составом более полусотни человек. Состряпанный криво и косо, не утруждая себя, думаю, от природной лени, поиском доказательств. Зачем? Кто посмеет оспаривать стряпню, приготовленную по велению Москвы?» — так говорил 69-летний председатель Совета тейпов ингушского народа Малсаг Ужахов, выступая[1] с последним словом в суде по делу о протестах против изменения границы между Чечней и Ингушетией.

Сегодня Кисловодский городской суд вынес приговор ему и шестерым другим лидерам демонстрантов, подводя таким образом итог самым массовым протестам в истории постсоветской Ингушетии.

Демонстрации против передела границы

Протесты вспыхнули три года назад, когда руководители Чечни и Ингушетии подписали соглашение, по которому часть ингушской территории отходила соседям — документ Юнус-Бек Евкуров и Рамзан Кадыров подписали 28 сентября 2018 года. Соглашение готовилось тайно, никаких

общественных слушаний не проводили. «Кавказский узел»[2] писал, что Чечня в результате этого договора получила около 26 тысяч гектаров в Сунженском районе, а отдала — примерно тысячу.

Первая акция протеста прошла в Сунже еще накануне после того, как глава Сунженского района объявил о решении покинуть пост — по мнению активистов, таким образом чиновник возражал против передачи территории Чечне.

В день подписания соглашения более сотни человек вышли на стихийный митинг в Магасе, силовики разгоняли протестующих дубинками — вечером МВД Ингушетии отчиталось, что полицейские пресекли «несогласованную в установленном порядке с органами местного самоуправления протестную акцию». У активистов прошли обыски, некоторые из них жаловались на угрозы со стороны силовиков.

Акции протеста продолжились, они собирали все больше участников. В начале октября в республике прошли автопробеги против передачи земель, участники которых перекрыли федеральную трассу.

Голосование в местном парламенте прошло 4 октября. Власти сообщили, что большинство депутатов поддержало соглашение, оппозиционеры — что результаты сфальсифицированы. «Депутаты, которые проголосовали против принятия законопроекта, вышли к народу и сообщили, что 15 из 24 депутатов проголосовало против. Закон не должен быть принят. Сейчас разбираются с тем, кто так посчитал, поскольку все голосовавшие против

открыто сказали об этом и их большинство», — писал известный ингушский адвокат Калой Ахильгов. 14 депутатов Народного собрания Ингушетии подписали обращение к председателю собрания с требованием аннулировать результат.

В тот же день несколько тысяч человек пришли к парламенту в Магасе на народный сход — акцию решили сделать бессрочной. Около двух недель, до 17 октября[3], протестующие оставались на площади. Несмотря на то, что первые четыре дня акция формально была не согласована, митинг не разгоняли.

«Одни люди отвечали за вывоз мусора, другие следили за безопасностью. Чтобы митингующих не обвинили в незаконном перекрытии центрального проспекта, добровольцы постоянно следили, чтобы на дороге оставалось место для свободного проезда машин, — описывали происходящее в протестном лагере корреспонденты "Би-би-си". — Ехать сюда, впрочем, никто не спешил, но регулярно подъезжали машины с провизией. На митинги везли ящики горячего хлеба и колбасу, мандарины, сливы, виноград и традиционные лепешки. Прямо на месте варили курицу и кипятили чай. Заметно оживились женщины — если накануне они держались обособленными группами в стороне от мужчин, то сегодня взяли в свои руки все хозяйственное обеспечение протеста».

По всей республике по указанию ФСБ отключили мобильный интернет. Позже региональное управление спецслужбы утверждало,

что это было сделано из-за угрозы «диверсионно-террористических актов», при этом все отключения совпадали с датами демонстраций — суд признал эту практику законной.

Рамзан Кадыров раскритиковал демонстрантов в день вступления соглашения в силу, 16 октября 2018 года: «Я говорю о кучке, о тех десяти [людях], а не об ингушском народе. Если вы мужчины, если вы люди, придите [сюда]. Если это ваши территории, устройте там митинг. Закон [о границах] принят и вступил в силу. Если вы мужчины, если вы люди, придите на мою территорию и устройте митинг, говоря, что она ваша» (его слова перевел «Кавказский узел»).

Зарифа Саутиева, Малсаг Ужахов, Ахмед Барахоев, Муса Мальсагов, Исмаил Нальгиев, Багаудин Хаутиев Барах Чемурзиев в суде. Фото: «Кавказский узел»

Но вдруг на сторону протестующих встал Конституционный суд Ингушетии: в конце октября суд отменил соглашение об изменении границы и потребовал провести референдум. После этого оппозиционеры решили прекратить уличные акции и дальше «действовать в юридическом русле». А глава Ингушетии Евкуров обратился уже в Конституционный суд России.

Протесты возобновились весной 2019 года — через два месяца после того, как уже Конституционный суд России признал соглашение законным. Выступая на форуме в Грозном, Евкуров отметил, что решение суда «ставит уже точку в этом вопросе» о границе. В марте оппозиционеры попытались согласовать трехдневный митинг на площади перед зданием национальной телерадиокомпании «Ингушетия» в Магасе — но акцию разрешили провести лишь 26 марта, с десяти до шести вечера.

26 марта на площади в Магасе собралось от 4 до 20 тысяч[4] **протестующих.** На въезде в город выставили блокпосты, место проведения митинга оцепили. «В городе огромное количество силовиков, они просто наводнили Магас», — писал правозащитник Магомед Муцольгов.

На этой акции уже звучали призывы не только к отмене соглашения о границе, но и к отставке Евкурова и возвращению прямых выборов главы Ингушетии. Когда согласованная часть митинга завершилась, многие решили остаться на площади, вновь объявив бессрочную акцию.

Утром следующего дня протестующих попытались разогнать бойцы Нацгвардии, прикомандированные из других регионов — это привело к столкновениям между силовиками и митингующими. «Штурм начался, когда люди совершали утреннюю молитву, через два часа — второй, — рассказывал Муцольгов "Медиазоне". — Силовики напали на людей, люди отбились, и получилась небольшая обоюдная драка. Да, [среди нацгвардейцев] есть

пострадавший, которого вынесли оттуда, но много было пострадавших и среди митингующих».

На протесты власти ответили массовыми обысками и волной арестов — к административной ответственности привлекли сотни рядовых участников акции. Обвиняемыми по делам о стычках с нацгвардейцами стали около 50 человек.

Власть отвечает уголовными делами

Дело о нападении на нацгвардейцев возбудили[5] **в тот же день, 27 марта.** Тогда же появилось и дело о призывах к массовым беспорядкам[6]. Первые задержания прошли уже в начале апреля.

Большую часть обвиняемых не решились держать в Ингушетии — их на вертолетах отвозили в СИЗО в Нальчике. «Меня задержали 13 апреля, через двадцать дней после того, как увезли на вертолете в Нальчик первую "девятку" ингушских политзаключенных, — вспоминал один из активистов, 56-летний Багаудин Мякиев. — После намаза вышел во двор в тапочках, сел на кресло-качалку под навес, закурил. И тут вижу, что в дом врываются восемь или девять сотрудников Центра "Э" в масках, с оружием. Не увидев меня, они по-русски стали кричать: "Где он? Где он?!". Я кричу по-ингушски: "Перестаньте, там дети! Эй, сюда, ко мне, я здесь!". Они меня скрутили и в машину. Ничего даже из вещей взять не дали».

В Нальчике проходили и суды по мере пресечения. «Видимо, не доверяют Ингушетии, народу Ингушетии, кроме [главы республики Юнус-Бека] Евкурова и начальника ЦПЭ — говорил

адвокат Магомед Абубакаров. — В принципе, СК по Ингушетии спокойно мог расследовать бы дело о применении насилия, но из-за 212-й статьи его передали в СКФО». При этом обвинений по делу о массовых беспорядках в итоге никому не предъявили.

Потерпевшими признали 67 силовиков, почти все они были прикомандированы в Ингушетию из других регионов. К примеру, сотрудник ОМОНа из Мордовии во время столкновений получил переломы носа, большеберцовой и малоберцовой костей, силовик из Владимира — перелом локтевой кости. Другие отделались ушибами и ссадинами. Имена большинства потерпевших были засекречены. Один из засекреченных нацгвардейцев, например, «испытал боль» от того, что митингующий ударил ногой по щиту, другой почувствовал боль в руке, когда активист схватился за щит и дергал его.

Местные полицейские не участвовали в разгоне, наоборот, пытались предотвратить столкновения — они тоже стали обвиняемыми. В день разгона сотрудники ингушского батальона патрульно-постовых сил выстроились между прикомандированными нацгвардейцами и митингующими, а после убедили протестующих разойтись. За это полк был расформирован, 17 сотрудников уволили со службы. 13 из них обвинили в неисполнении приказа[7].

«У Росгвардии получился провал, они не смогли убрать [митингующих], а мы уговорили. Что, обязательно людей бить надо, чтобы они разошлись? — говорил "Медиазоне" один из бывших силовиков.

— Почему мы сегодня не говорим о росгвардейцах, которые в то утро в толпе применили шумовые гранаты, которые возбудили эту же толпу. Люди думали, что их там сейчас убивать будут, и начали какие-то противодействия совершать».

Полицейские безуспешно пытались восстановиться на службе, получилось только у четверых. В ноябре 2021-го первого из обвиняемых суд признал виновным в неисполнении приказа и приговорил к полутора годам условно — это дело тоже рассматривалось за пределами Ингушетии, в Пятигорском городском суде.

Обвиняемыми по делу о протестах стали 52 человека. Спустя полгода после митинга дела рядовых участников — 41 человека — Следственный комитет начал выделять в отдельные производства. Всех активистов судили в Ставропольском крае: ведомство ссылалось на справку из ФСБ Ингушетии, согласно которой обвиняемые могут оказать воздействие на ингушские суды благодаря «обширным, в том числе родственным и тейповым связям».

Приговор не вынесен пока только одному человеку. Остальных признали виновными в нападении на силовиков, причем у всех в качестве отягчающего обстоятельства указан[8] мотив «политической ненависти». Сроки оказались меньше, чем обычно получают по тем же статьям протестующие в Москве или Петербурге — от полугода до двух лет лишения свободы[9]. Большинство осужденных уже освободились.

Лидеров протеста обвинили в создании экстремистского сообщества и организации нападений на силовиков. В СИЗО оказались семь человек: председатель Совета тейпов ингушского народа Малсаг Ужахов, член совета Ахмед Барахоев, председатель ингушского отделения «Российского красного креста»[10] Муса Мальсагов, глава организации «Выбор Ингушетии» Исмаил Нальгиев, руководитель Совета молодежных организаций Багаудин Хаутиев и председатель объединения «Опора Ингушетии» Барах Чемурзиев. А также замдиректора Мемориального комплекса жертвам репрессий Зарифа Саутиева — единственная женщина среди полусотни обвиняемых.

Саутиева, по версии следствия, одним «своим присутствием» на митинге «обязывала любым способом обеспечить ее безопасность как представительницы слабого пола». Похожим образом описывается преступление Барахоева и Ужахова, которые 26 марта 2019-го «провокационно взывали к мужскому достоинству и национальному единству» протестующих, «манипулировали» этническими обычаями, «своим присутствием обязывая любым способом обеспечить их безопасность» как представителей старшего поколения.

В январе 2020 года всех их обвинили еще и в создании экстремистского сообщества[11]**.** Сообщество, считает следствие, Ужахов, Барахоев и Мальсагов, объединенные «политической враждой» к главе республики Юнус-Беку Евкурову, создали в мае 2018 года — чтобы добиться его смещения с поста[12].

Позже к ним присоединились остальные обвиняемые. В рамках этого сообщества, по версии СК, обвиняемые вели деятельность других организаций — например, Ингушского комитета национального единства (Верховный суд России запретил его в 2020 году).

Ужахову также вменили редко применяемую «антисектансткую» статью [13]о создании

некоммерческой организации, «посягающей на личность и права граждан», а Ахмеду Барахоеву — участие в ней[14]. Под организацией подразумевается

Совет тейпов ингушского народа, в прошлом году он был ликвидирован по иску Минюста.

Малсаг Ужахов (второй справа) на митинге в Магасе. Фото: Кристина Кормилицына / Коммерсант

Правозащитный центр «Мемориал»[15] признал всех арестованных лидеров политзаключенными. «Нет сомнений в политическом характере обвинений, в которых нет даже фальсифицированных доказательств вины. Ни одного доказательства вины в деле просто нет, вместо этого обвинение

попыталось в качестве преступления представить законную публичную общественную деятельность обвиняемых. Именно это делает данный процесс чрезвычайно важным и опасным для будущего страны», — говорится в заявлении правозащитников.

Следствие по делу еще одного обвиняемого по делу руководителей протеста, бывшего главы МВД Ингушетии Ахмеда Погорова, еще не завершено: он почти два года находился в розыске, его задержали только в феврале 2021-го.

Дело с осени прошлого года рассматривал Кисловодский районный суд. Все обвиняемые находятся в СИЗО Пятигорска[16]. Вину никто не признает. Как писал «Мемориал», большинство нацгвардейцев, давая показания в суде, говорили, что не просили признавать их потерпевшими, ничего не знают об уголовном деле и не имеют претензий к подсудимым.

В ноябре гособвинители попросили суд приговорить всех обвиняемых к срокам от 7,5 до 9 лет заключения. Выступая с последним словом, руководитель Совета тейпов ингушского народа Малсаг Ужахов отмечал, что прокуроры нацелены на «заданный сверху результат» и не желают слушать никакие доводы защиты.

«Их кирзовые лица ничего не выражают, эти лица давно потеряли способность краснеть и белеть, — говорил Ужахов. — Бог им судья! Мы в свою очередь платим им неприкрытым презрением».

15 декабря судья Янис Куцуров огласил приговор. Он всех признал виновными и дал ровно те сроки, которые запрашивал прокурор: Ужахову, Барахоеву и Масальгову — по 9 лет лишения свободы, Нальгиеву, Хаутиеву, Чемурзиеву — по 8 лет, Зарифе Саутиевой — 7,5 лет.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Заседание прошло 6 декабря. Дело семерых лидеров протестов рассматривает Кисловодский городской суд на выездных заседаниях в Ессентуках
2. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Кавказский узел» внесен Минюстом в реестр СМИ — «иностранных агентов».
3. После этого сами митингующие прервали сход, чтобы провести Конгресс ингушского народа, чрезвычайный съезд тейпов и съезд мусульман.
4. По данным полиции, собралось 4 тысячи человек. «Мемориал» (признан «иностранным агентом») писал о 20 тысячах протестующих.
5. Поначалу оно было возбуждено по более тяжелой части 2 статьи 318 УК (применение насилия, опасного для жизни или здоровья), позже почти всем фигурантам обвинение переквалифицировали на первую часть — о неопасном для здоровья насилии.
6. Часть 3 статьи 212 УК.
7. Часть 2 статьи 286.1 УК.
8. Пункт «е» части 1 статьи 63 УК.
9. В колонии-поселении и колониях общего режима.
10. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации

и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что ингушское отделение «Российского красного креста» внесено Минюстом в реестр организаций, исполняющих функции «иностранного агента».

11. Часть 1 статьи 282.1 УК.

12. Евкуров в итоге лишился должности главы Ингушетии летом 2019 года.

13. Часть 2 статьи 239 УК.

14. Часть 3 статьи 239 УК.

15. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что правозащитный центр «Мемориал» внесен Минюстом в реестр организаций, исполняющих функции иностранного агента.

16. Саутиева была под стражей с 12 июля 2019 по 10 марта 2021 года, в тот день ей изменили меру пресечения на домашний арест, но через шесть дней вновь вернули в СИЗО.